

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

20 июня 1953 г. завершается третий год развития советского языкознания в том направлении, которое было указано работой И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», напечатанной в газете «Правда» 20 июня 1950 г.

«Имя Сталина справедливо стоит рядом с именами величайших людей во всей истории человечества — Маркса — Энгельса — Ленина»¹. Творческая деятельность И. В. Сталина — образец сочетания огромной теоретической мощи с исключительным по своему объему и размаху практическим опытом революционной борьбы и строительства социалистического общества.

«Уход из жизни нашего вождя и учителя Великого Сталина, — сказал Г. М. Маленков в своей речи на похоронах И. В. Сталина, — возлагает на всех советских людей обязанность множить свои усилия в осуществлении грандиозных задач, стоящих перед советским народом, увеличивать свой вклад в общее дело строительства коммунистического общества, укрепления могущества и обороноспособности нашей социалистической Родины»².

Советская наука является одной из тех сил, которые активно помогают строительству новой жизни, строительству коммунизма. Вооруженная диалектико-материалистическим методом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, передовая наука превратилась в творческую революционную науку о закономерностях развития природы, общества и человеческого мышления. Марксизмом открыты основные законы человеческой истории. Великие корифеи марксистской философии своими трудами наглядно показали революционную мощь и творческую научную силу марксистского диалектического метода, его способность быть теоретической основой самых разнообразных специальных научных исследований и — вместе с тем — его способность развиваться и обогащаться новыми достижениями науки и общественной практики.

Сила марксизма-ленинизма состоит в том, что как подлинная наука он отражает объективные процессы в природе и в обществе, происходящие независимо от воли людей. Вооружая человечество пониманием объективных законов развития, марксизм-ленинизм дает возможность использования этих законов в интересах общества, возможность научного предвидения, сознательного воздействия на природу и на общественную

¹ Г. М. Маленков, Речь на траурном митинге в день похорон Иосифа Виссарионовича Сталина, Госполитиздат, 1953, стр. 6.

² Там же, стр. 14.

жизнь. Марксистская философия — это теоретическая основа всякого специального знания. Марксизм-ленинизм изучает и формулирует всеобщие объективные законы, действующие во всем мире в целом, во всех его областях, а специальные науки раскрывают законы, действующие в пределах той или иной ограниченной области объективного мира или нашего мышления, и разрабатывают свои специальные, частные методы исследования. Марксистская философия не подменяет специального знания и не сводится к нему. Являясь методологической базой всякой истинной науки, она вместе с тем обобщает существенное содержание всех специальных знаний³.

Не все науки сразу и в одинаковой мере были вовлечены в сферу марксистского диалектико-материалистического исследования. Из общественных наук языковедение позднее всего подверглось глубокому влиянию марксизма и обусловленному этим влиянием коренному преобразованию, хотя в основополагающих трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина языковеды всегда могли находить для себя указания по многим вопросам теории и истории языка.

2

Правильное понимание марксистских положений в области языковедения требует от языковедов свободного владения методом марксистской диалектики и глубокого знания марксистской философии. В самом деле, в марксистской теории языка все положения, все определения основных понятий языковедения взаимосвязаны. Они представляют собою творческое развитие марксистского понимания законов истории общества и разных общественных явлений. В своем труде «Марксизм и вопросы языковедения» И. В. Сталин в описании языка, его структуры и его общественных функций осуществляет принцип диалектического исследования предмета, сформулированный В. И. Лениным: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления»⁴.

Указывая на то, что «историческая теория Маркса наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектический взгляд на природу делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию», Ф. Энгельс писал: «... задача и там и тут заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах»⁵. «Исследование, — учит К. Маркс, — должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь»⁶. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения» излагает обобщения закономерностей исторического развития языка и общества в их взаимосвязи, в многообразии взаимодействий языка с другими общественными явлениями. Ведь природа и специфика общественного явления обуславливает характер его внутренних законов. Законы диалектического развития отдельных общественных явлений отражают специфические особенности каждого данного явления и охватывают конкретно-исторические условия его развития.

³ См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

⁵ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1952, стр. 52.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 19.

Специфическая особенность языка как общественного явления состоит в его общенародном характере, в неразрывной связи жизни и истории языка со всей историей общества. Без языка общество не может существовать и развиваться, и вне общества нет языка. Развитие языка отражает развитие народа — его творца и носителя, и в то же время язык является могучим орудием развития этого народа. Вне истории народа невозможно научное исследование истории языка. Закономерно сменяющиеся способы производства, типы производственных отношений накладывают свой отпечаток на язык, но не ломают его структуры и не определяют периодизации его развития. Изменения в историческом содержании и объеме категорий народа также не могут не найти отражения в языке. Язык рода и племени, язык народности и национальный язык различаются по сложности и по многообразию своего общественного применения, по степени своего развития, по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов, по элементам своего качества.

Само собой разумеется, что самые возможности развития языка племени, его способность стать языком народности, а языка народности — стать языком нации обусловлены экономическими и культурно-политическими условиями развития народа. В трудах Ф. Энгельса и И. В. Сталина установлены основные закономерности истории народных диалектов в период развития племенного языка и языка народности; в работах К. Маркса, В. И. Ленина и И. В. Сталина глубоко освещаются типические формы и характерные процессы складывания языков народностей и национальных языков на базе народных диалектов. При изучении истории языка в неразрывной связи с историей народа раскрывается характер противоречий между общенародностью языка и внутренним диалектным многообразием данного языка.

Связи, взаимодействия и соотношения между общенародным языком и местными территориальными «ответвлениями» от него различны в разные периоды истории народа. И. В. Сталин указал на то, что народные диалекты подчинены общенародному языку, как низшие формы высшей. Специфические особенности этого «подчинения» (так же, как и степень внутренней слитности, единства языка) зависят от исторически обусловленного состояния общества. Они различны в разные эпохи истории народа. Они связаны с развитием от языков родовых к племенным, от племенных к языкам народностей и затем к языкам национальным. Ф. Энгельс, перечисляя основные черты союза пяти протекских племен, в качестве первой из них указывает на кровное родство, составлявшее подлинную основу союза, и на «общий язык, имевший только различия в диалектах...», бывший «... выражением и доказательством общего происхождения»⁷.

Степень и характер этого диалектного разнообразия, подчиненного языковой общности, т. е. существующего в пределах той или иной языковой общности, и соответственно степень внутренней слитности языка союза племен, языка народности обусловлены общественно-историческими причинами. В истории разных народов наблюдались исторические процессы, «... когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»⁸.

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 97.

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 44.

В период развития национального языка народно-областные диалекты теряют свою самобытность, постепенно перемалываются в едином общенародном языке и растворяются в нем. В эту эпоху прекращается процесс дальнейшей дифференциации диалектов, процесс возникновения и развития крупных диалектных новообразований; диалекты уже не могут быть базой новой высшей формы общенародного языка.

Содержащаяся в трудах классиков марксизма-ленинизма характеристика исторических отношений между диалектами и национальным языком основана на глубоком обобщении процессов образования национальных языков и наций в разных странах. Резкое диалектное дробление у народа, вступившего в период национального развития, может быть некоторым тормозом для приобщения широких народных масс к активному участию в культурном строительстве.

В этом отношении показательны выводы и замечания основателя итальянской Коммунистической партии Антонио Грамши, связанные с проблемой отношения итальянского национального языка и его диалектов⁹. «Кто говорит на диалекте или понимает национальный язык в недостаточной степени,— писал А. Грамши,— тот неизбежно будет связан с мироощущением более или менее ограниченным и провинциальным, косным, анахронистическим в сравнении с великими течениями мысли, которые управляют мировой историей... Если не всегда имеется возможность изучить несколько иностранных языков для того, чтобы познакомиться с различными культурами, то во всяком случае необходимо хорошо изучить национальный язык. Великая культура может быть переведена на язык другой великой культуры... Но на диалекте этого сделать нельзя»¹⁰.

Развитие языков социалистических наций связано со сложными, медленно протекающими и очень разнообразными процессами постепенного растворения местных диалектов в общенациональном языке. При этом необходимо иметь в виду, что процессы формирования языков социалистических наций в Советском Союзе очень многообразны. Их характер и течение обусловлены своеобразием истории соответствующего народа и уровнем его общественного развития. Необходимо различать специфические особенности развития в социалистическую нацию, с одной стороны, народов, ко времени Великой Октябрьской социалистической революции сохранявших еще многое из феодального уклада жизни (например, удмурты, таджики, башкиры, казахи), или народов и даже племен, не изживших еще патриархально-родового уклада и не всегда оседлых (хакасы, алтайцы), и, с другой стороны, буржуазных наций с длительной традицией культуры письменности и литературного языка. Таким образом, разработка марксистской теории исторического развития языка помогает осветить весь путь развития того или иного конкретного языка и объяснить характер и направление этого исторического движения. В связи с этим в советском языкознании укрепляется более глубокое понимание взаимоотношений исторической диалектологии, истории общенародного разговорного языка и истории литературного языка: историческая диалектология, изучая закономерности изменений диалектов в тесной связи с развитием общенародного языка, тем самым как бы вливается в историю общенародного языка, а с известной поры и литературного языка, и составляет органическую часть этой истории.

⁹ См. Э. Я. Егерман, «Литература и национальная жизнь» Антонио Грамши, «Вопросы философии», М., 1953, № 1, стр. 215—221.

¹⁰ A. Gramsci, Il materialismo storico e la filosofia di B. Croce, Torino, 1948 (цит. по вышеуказ. статье Э. Я. Егермана, стр. 220).

Вместе с тем марксистская теория исторического развития языка помогает нам по-новому осмыслить многочисленные факты, добытые предшествующими исследователями, и по-новому понять общие явления и процессы, более или менее эмпирически описанные и определенные в домарксистском языкознании. Так, изучение процессов накопления элементов нового качества, процессов, течение которых неразрывно связано с явлениями отмирания элементов старого качества, старой структуры, должно представить в исторически оправданной системе обширные ряды изменений языка, ранее суммарно и недифференцированно рассматривавшихся как явления грамматической и семасиологической аналогии.

Так называемая «аналогия» является способом языкового новотворчества, способом формирования и накопления элементов нового качества на базе наличной структуры языка. И. Схрейнен охарактеризовал аналогию как «языковое творчество ретроспективного характера»¹¹. Ведь по аналогии строятся грамматические и лексико-семантические новообразования, основанные на материале старых форм. В истории нашего отечественного языкознания был высказан ряд таких соображений о явлениях аналогии, которые сохраняют до некоторой степени свое значение и для нас. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в 1870 г. в статье «Несколько случаев влияния аналогии в польском склонении», систематизировав все случаи «нарушения звуковых законов аналогическим воздействием грамматических форм в именной флексии польского языка», связал вопрос о грамматической аналогии с развитием грамматических категорий языка¹². Бодуэн говорит о «внутреннем значении, единстве грамматической категории», как о «скрытом факторе» процессов аналогии, о необходимости «более определенной связи между звуковой формой и ее функцией» (по поводу распространения род. падежа мн. числа на *-ów*), о тенденции «к упрощению и объединению тех языковых форм», «необходимость разграничения которых не ощущается», т. е. теряет общественную значимость¹³.

В домарксистском языкознании процессы грамматической аналогии рассматривались в психологическом плане и не связывались с развитием языка в целом. Марксизм всем своим существом направлен против реакционной теории извечных, неизменяемых и только лишь перемещающихся «начал» и факторов действия. Марксистское учение о языке дает возможность исторически осмыслить, связать с конкретно-историческими законами развития грамматического строя и словарного состава отдельных языков те разнообразные явления, которые обозначались в предшествовавшей языковедческой традиции обычно лишь психологистически истолковываемым термином «аналогия».

3

Осваивая и разрабатывая марксистскую теорию развития языка, советские лингвисты стремятся исследовать в деталях закономерности исторического движения различных сторон национальных языков — их грамматического строя, словарного состава, звуковой структуры, смыслового содержания слов и выражений, стилистической системы. Вслед за статьями и сборниками, посвященными критике «нового учения» о языке,

¹¹ См. J. Schrijnen, Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft, Heidelberg, 1921, S. 91 и 192.

¹² См. J. Baudouin de Courtenay, Einige Fälle der Wirkung der Analogie auf die polnische Deklination, «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung», B. VI, Berlin, 1870, S. 19—88.

¹³ Там же, стр. 27, 63, 59 и 88.

у нас начали появляться большие исследования по описательной грамматике, а также истории и диалектологии языков народов Советского Союза. В языковедческих учреждениях нашей страны развернулась работа по пересмотру старых, домарксистских концепций в области истории и методологии языкознания, а также по созданию марксистских историй родных языков. Для теоретических выводов и обобщений необходимо углубление и расширение конкретно-исторической базы. Нужны многочисленные монографические исследования истории отдельных языков или групп родственных языков. Меньше всего изучены вопросы происхождения языков, например, русского, украинского, белорусского, армянского, таджикского и др. Так, языковеды-арменисты открыто признают, что происхождение, образование и развитие армянского языка, отмирание грабара, образование среднеармянского языка, современного армянского языка, классификация диалектов пока еще освещены недостаточно.

Какие широкие задачи поставлены перед советским языкознанием в области конкретно-исторического исследования отдельных языков, легко увидеть, если вникнуть в общую схему развития какого-нибудь языка, например, русского (как эта схема определилась в последних работах советских историков, языковедов и литературоведов). История русского языка — это органическая часть истории всех славянских языков, и начальные этапы этой истории восходят к общеславянскому языку-основе, к процессам его дифференциации и обособления западных, восточных и южных групп славянских народов и языков. Вслед за воспроизведением этих сложных и мало исследованных исторических явлений по отношению к истории русского языка возникает проблема интеграции племенных языков восточного славянства — в связи с формированием приблизительно в VIII—X вв. единого языка восточнославянской или древнерусской народности и диалектных группировок внутри него¹⁴. Процесс консолидации племен в союзы, а затем образования и более глубокой общности, называемой народностью, — процесс, поддерживавшийся государственным объединением восточных славян, сопровождался вместе с тем формированием письменности и литературного языка в среде восточного славянства.

В настоящее время доказано широкое и многообразное применение письменности на Руси X в. Возникновение письменности, как крупнейшее явление в истории культуры народа, представляет собой длительный процесс, зависящий от изменений в социально-экономическом развитии народа. Развитие письменности в обществе, где процесс классового образования еще не завершился возникновением государства, определяется потребностями оформляющихся классов. Причинами развития письменности являются нужды государственного управления и развивающейся торговли, для которых необходима упорядоченная переписка. Таким образом, уже на самой заре развития языка древнерусской народности наблюдается сложное взаимодействие между восточнославянскими племенными, а затем и территориальными диалектами, языком восточнославянской народности и складывающимся древнерусским литературным языком. Единство существенных черт или «основ» грамматического строя и общеславянского и общевосточнославянского ядра основного словарного фонда связывало восточнославянские диалекты с формирующимся языком дре-

¹⁴ См. Б. А. Рыбаков, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, «Вопросы истории», М., 1952, № 9, стр. 40—62; ср. его же, Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, сб. «Советская археология», XVII, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 23—104; см. также «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6 и 1953, № 1 и 2.

внерусской народности, который складывался на базе говоров, окружавших Киев и преобладавших в самом этом городе.

Изучение всех этих сложных и пока во многом еще неясных процессов может быть плодотворным лишь при дружном объединении усилий диалектологов, историков общенародного разговорного русского языка и историков литературного языка. В самом деле, в настоящее время считается, что «киевский диалект (его основой был, повидимому, племенной язык полян) — послужил основой как общеразговорному, так и письменному языку древнерусской народности»¹⁵. Очевидно, именно на этой основе, хотя и со свободной примесью диалектных особенностей, формировались и развивались стили официально-деловой переписки Киевского государства. Как свидетельствуют языковые показания найденных проф. А. В. Арциховским повгородских берестяных грамот, широкая диалектная струя врывалась в строй как частной, так и официально-деловой переписки отдельных государственных образований.

Вместе с тем несомненно, как показали исследования члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, проф. Д. С. Лихачева и отчасти более ранние наблюдения проф. Л. П. Якубинского, что в формировании стилей древнерусского литературного языка сыграл очень большую роль язык восточнославянской устной народной словесности. «Фольклор, — пишет Д. С. Лихачев, — не только „породил“ литературу, сделал возможным самое ее появление, но он и помогал литературе в ее развитии во всё последующее время. Это действительное начало, шедшее от устного народного творчества, было гораздо менее заметным, чем „влияния“ литературы переводной, но оно было творческим, всего менее механическим и поэтому трудно уловимо для исследователя. Оно двигало литературу вперед, формируя вкусы, патриотизм, идеи, формируя национальные черты русской литературы, создавая то, что было в литературе древней Руси неповторимым, своеобразным, народным»¹⁶. Язык устного народного творчества дописьменного периода определил структуру литературно-художественного стиля древней Руси, например, стиля «Слова о полку Игореве».

В области изучения художественных стилей древнерусского литературного языка сделано еще очень мало. К тому же изучение процессов развития древнерусского литературного языка этим не исчерпывается. Вопреки утверждениям акад. С. П. Обнорского, мы не можем отрицать большую культурно-образовательную роль общелитературного языка славянства — языка старославянского — в формировании культовых, научно-философских и риторически-повествовательных стилей древнерусского литературного языка. Новейший историк древнерусской культуры справедливо заявляет: «Нет оснований преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в развитии русской письменности: не к ее началу, а к ее развитию»¹⁷. Таким образом, перед историками русского языка и его диалектов возникают большие проблемы и задачи изучения процесса сложения, образования древнерусской народности с единым на ее территории языком, при наличии в нем, конечно, местных диалектов, восходящих к племенным диалектам. От этого вопроса неотделим и не менее важный вопрос о возникновении дре-

¹⁵ Г. И. Зикеев, К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, «Вопросы истории», М., 1953, № 2, стр. 74.

¹⁶ Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М. — Л., 1952, стр. 31.

¹⁷ Там же, стр. 24.

нерусской письменности и древнерусского литературного языка с многообразием его стилей, в основной своей части восходящих к общественной практике устно-разговорной, диалектной речи восточного славянства и к разным жанрам устного народного творчества.

Само собой разумеется, что язык древнерусской народности, играя объединяющую роль, не мог в то же время преодолеть тех центробежных диалектных тенденций, которые углублялись в связи с развивающимся процессом феодального политического дробления, с изменениями государственных образований, с процессами смещения границ княжеств. Распад древнерусского государства, исторически обусловленный переходом общества на новую ступень феодальной формации, усилил территориальную раздробленность и культурную обособленность в среде древнерусского общества. Все это повело к обособлению местных территориальных диалектов и к их перегруппировке. Среди местных территориальных диалектов периода феодальной раздробленности уже в XII—XIII вв. начинают выделяться отдельные диалекты, которые позднее послужили базами, основами для складывания языков трех народностей — великорусской, украинской и белорусской. «Распад» древнерусской народности способствовал выделению новых диалектных групп в разобщенных государственных объединениях; параллельно с этим процессом происходило и смещение диалектных границ.

Таким образом, в XIV—XVI вв. протекает сложный процесс формирования трех восточнославянских народностей и соответственно — трех языков на базе разных народных диалектов. Историки предполагают, что начало формирования великорусской народности по времени предшествовало складыванию украинской и белорусской народности. Общие процессы, характеризующие формирование языка украинской народности, суммарно представлены в автореферате работы акад. Л. А. Булаховского, напечатанном в № 2 журнала «Вопросы языкознания» за 1953 г. Для истории русского языка основную роль сыграло объединение русских земель вокруг Москвы, положившее конец феодальной раздробленности. Оформление великорусской народности в XIV—XVI вв., в основном, совпадает с этим политическим и социально-экономическим процессом. Язык великорусской народности выступает, с одной стороны, как продолжение и развитие основного потока языка древнерусской народности; он впитывает в себя все общерусские изменения в грамматическом строе, например, смену общеславянской системы временных форм глагола новой восточнославянской, образование категории вида и т. п. С другой стороны, формирование языка великорусской народности было связано со смещением диалектной базы. Язык великорусской народности, в основном, ориентируется на ростово-суздальский диалект, а позднее на говор Москвы и окружающего населения. В связи с этой новой диалектной ориентацией находились изменения в основном словарном фонде, в словарном составе, в звуковой системе, а также и в грамматическом строе русского языка XIII—XVI вв.

Формирование великорусской народности и языка великорусской народности происходило на стыке поселений двух племен, сыгравших наиболее важную роль в формировании русского народа, — вятичей и кривичей¹⁸. К концу XV — началу XVI в. Москва становится «... общепризнанной национальной столицей русского народа, городом, претендовавшим на мировое историческое значение»¹⁹. В изучении процессов разви-

¹⁸ См. «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 14, а также см. рецензию И. И. Смирнова на это издание в «Советской книге» (М., 1953, № 4, стр. 53).

¹⁹ История Москвы, т. I, стр. 96.

тия новых диалектов русского языка с XII—XIII вв. и процесса образования языка великорусской народности в XIV—XVI вв. диалектологам принадлежит едва ли не решающая роль. В этом отношении данные диалектологических атласов русского, украинского и белорусского языков и обобщения этих данных приобретают особенно важное значение. Язык великорусской народности, сначала складывавшийся на ростово-суздальской и владимирско-московской основе, начинается с конца XIV — начала XV в. оказывать регулирующее влияние на другие областные диалекты Московского государства. С возвышением Московского княжества Москва привлекала все большее число людей из южновеликорусских областей. Плодом этого влияния явилось, с одной стороны, постепенное вытеснение из языка великорусской народности целого ряда севернорусских диалектных особенностей, а с другой — пополнение словарного состава языка великорусской народности южнорусской лексикой и развитие аканья. С середины XVI в. аканье интенсивно распространяется в московском посаде, среди приказной бюрократии, среди столичного дворянства, а с XVII в. также и при дворе, как об этом свидетельствуют письма Алексея Михайловича, его известный орфографический указ 1675 г. и, позднее, бумаги Петра Первого.

Объединяющая роль языка великорусской народности, приводившая к тому, что в городских центрах, а также на путях оживленных экономических сношений сглаживались и исчезали отдельные резкие черты местных диалектов, не находившие себе поддержки в государственном языке, была значительно сильнее и шире, чем когда-то такая же роль языка древнерусской народности. Она поддерживалась влиянием письменного литературного языка, вступившего в новую фазу своего развития. В связи с образованием языка великорусской народности происходили качественные изменения и в древнерусском литературном языке. Основной поток культурных традиций древней Руси влился в культуру великорусской народности. Здесь — на великорусской почве — продолжали своеобразно развиваться и стилистические традиции древнерусского литературного языка. Достаточно сослаться на отражение стилистики «Слова о полку Игореве» в стиле «Задонщины». Однако словарный состав, фразеологическая система, а отчасти и грамматический строй московского литературного языка, особенно его письменно-деловых и сказово-повествовательных стилей, подвергаются изменениям, отражая общие тенденции развития языка великорусской народности.

Московский деловой письменный язык подвергается обработке в деятельности московских государственных канцелярий. В частных актах он еще теснее сближается с великорусской, точнее — среднерусской народно-диалектной базой деловой речи. Тут постепенно формируются грамматические (прежде всего, морфологические) и орфографические нормы литературного языка на народной основе. Изучение диалектных наслоений и диалектных вариаций в языке московской деловой письменности XV—XVII вв. имеет очень большое значение для истории русского языка. Тут очень много неисследованного. Чрезвычайно существенны также почти никем не затронутые вопросы изучения языка народного творчества этой эпохи, особенно народной эпической поэзии, а также пословиц, тем более, что здесь очень рано начали складываться элементы общерусского национального языка. Показателен, например, язык записей народной поэзии, сделанных для Ричарда Джемса.

Однако наряду с этим широким потоком стилей литературного языка, близких к живой народной речи, в ту эпоху развивается в новом направлении и система других литературных стилей, связанных с церковнославянским языком и отчасти обращенных к предшествующей традиции разви-

тия древнерусского литературного языка. Так называемое второе южно-славянское влияние отвечало внутренним потребностям развития этих стилей литературного языка с конца XIV — начала XV в. Тут также начинала развиваться тенденция к единым, но «славянизированным» литературным нормам. Такие литературные деятели XVI в., как Зиновий Отенский, считали совершенно недопустимым «книжные (речи) народными обезгчати». Князь Курбский высоко ценил «книжные пословицы славенские, лепотами украшенные». Слог Ивана Грозного с его переходами от высокого стиля к грубому просторечию казался Курбскому «варварским». Само собой разумеется, что предохранить высокий славянизированный слог от вторжения просторечия не удавалось. Но все шире развертывавшаяся в XVI и XVII в. борьба между разными социальными группами за нормы литературного языка является ярким симптомом складывающегося и растущего национального самосознания.

С XVI в., особенно с середины его, в самом языке великорусской народности начинает усиливаться влияние южновеликорусских элементов. По мнению некоторых советских историков, «начиная с XVI в., можно говорить о сложении общности языка великорусской народности, той общности, которая в дальнейшем привела к сложению национального языка»²⁰. Именно с этого времени начинается новое постепенное перемещение народно-диалектной базы общерусского языка. Как указано И. В. Сталиным, курско-орловская речь ложится в основу национального русского языка. История самих курско-орловских говоров, несмотря на усердную работу по их изучению проф. С. И. Коткова, продолжает оставаться во многом очень неясной.

Конкретно-исторического исследования того, как происходило развитие языка великорусской народности в национальный русский язык на южно-великорусской базе на протяжении XVII и XVIII в., у нас еще нет. Само собой разумеется, что далеко не все черты диалекта, легшего в основу национального языка, становятся общенародными и определяют структуру складывающегося на его базе литературного языка, уже имевшего богатую традицию. Частные особенности диалекта, не отражающие общих закономерностей и уже определившихся и закрепившихся тенденций исторического развития общенародного языка, не входят в национальный язык (так именно следует понимать роль курско-орловского говора в образовании русского национального языка). Вместе с тем носители других диалектов также участвуют в обогащении и развитии своего национального языка. Естественно, что речевые элементы из разных диалектов, включаясь в национальный язык, подвергаются общенародной литературной обработке.

С процессом образования национального русского языка был тесно связан процесс как бы все большего погружения в него литературного языка. Одним из средств, способствовавших этому, было формирование и развитие единых норм разговорно-литературной речи, повидимому, уже с начала XVIII в., а также широкое развитие общенародного городского просторечия. Кроме того, интенсивно развиваются так называемые «посредственные» или средние стили литературного языка, в которых происходит своеобразный процесс литературной обработки просторечия и национализации элементов высокого славянизированного слога, а этот «красный слог», в свою очередь, постепенно освобождается от обветшалых, архаических элементов. Российская грамматика и риторика Ломоносова чрезвычайно ярко отражают эти сложные явления и процессы.

В конце XVII в., по утверждению Вильгельма Лудольфа, в России

²⁰ Г. И. Зикеев, указ. соч., стр. 75.

было «невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком», а к концу XVIII в. определяются основные черты национальной русской научной, особенно естественно-научной, терминологии, формирующейся на базе общенародного языка. В творчестве Пупкина устанавливается норма национального русского литературного языка. Язык последующей художественной литературы энергично содействует не только совершенствованию общенародного языка, но и углублению народных корней и основ литературной речи и перемалыванию диалектов в национальном русском языке.

Это краткое и очень суммарное изложение общей исторической схемы развития русского языка, как она ныне вырисовывается в исследованиях и статьях русских историков, историков языка и историков литературы, имело своей целью показать, какие новые и богатые перспективы открыты перед советским языкознанием и как целесообразно в настоящее время направить важную и ответственную работу по изучению памятников письменности, по исследованию современных говоров, по составлению диалектологических атласов на решение основных, узловых вопросов истории русского языка (так же, как и других языков нашей страны).

Само собой разумеется, что для построения конкретных историй отдельных языков на основе марксистского учения о языке необходимо накопление новых материалов. Какие огромные и неожиданные исторические перспективы могут раскрыться при успешном ходе таких исследований и разведок, показывают результаты раскопок 1951 и 1952 годов в Новгороде. Открытие проф. А. В. Арциховским 83 берестяных грамот XI—XVI вв. бросает новый яркий свет на историю древнерусской письменной культуры и древнерусского языка. Если поверить датировке грамот по их нахождению в слое того или иного века, как это предлагает А. В. Арциховский (хотя, повидимому, некоторые переносы устанавливаемых им дат в более поздний век необходимы), то придется существенно изменить многие уже установившиеся представления об этапах и ходе развития звукового и отчасти грамматического строя русского языка²¹.

Понятно, что предстоит еще огромная работа по уточнению как чтения найденных грамот, так и особенно времени их написания. Но несомненно одно: новые факты, новые открытия помогают советским историкам и языковедам глубже понять и осветить быт, культурный уровень древнерусского общества и развитие письменности и языка, начиная с XI в. и ранее.

К сожалению, заготовка материалов для создания полноценных историй отдельных языков (как в области исследования памятников, так и в сфере диалектологических изучений) производится у нас все еще недостаточно. В некоторых национальных республиках и областях (например, в Казахстане, в Туркмении, в Узбекистане, в Литовской республике, в Белоруссии и др.) работа по историческому и сравнительно-историческому изучению родных языков развернута слабо. В области изучения тюркских языков заслуживают внимания труды члена-корр. АН СССР С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» и «Енисейская письменность тюрков». Обе книги составляют единое целое. Они дают представление о памятниках древней тюркской письменности с V по XV в. В авторском введении к «Памятникам древнетюркской письменности» дается принципиально новая классификация тюркских языков. Труды С. Е. Малова являются плодом многолетней работы по

²¹ См. А. В. Арциховский, Раскопки 1952 года в Новгороде, «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 54—55; см. также «Вопросы истории», М., 1953, № 1.

дешифровке и изучению памятников. Они существенно облегчают задачу воссоздания истории тюркских языков. К сожалению, связь истории тюркских языков с историей соответствующих народов не раскрыта в этих трудах с надлежащей полнотой и глубиной.

Недостатком исторических обобщений страдает также изданная Институтом языкознания книга проф. В. И. Лыткина «Древнепермский язык». Эта работа содержит подробное описание памятников древнепермской письменности, значительное количество которых публикуется впервые. В книге В. И. Лыткина выясняется происхождение древнепермского письма, созданного во второй половине XIV в. на основе одного из диалектов языка коми. В результате расшифровки памятников автору удалось получить свыше 800 слов связного текста, в котором отражаются особенности одного из финно-угорских языков, существовавшего 500—600 лет назад. Материалы древнепермского языка представлены на фоне современных диалектов коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков.

Несомненный интерес представляют также изданные Институтом языкознания книги: «История скандинавских языков» проф. М. И. Стеблин-Каменского, «Историческая морфология французского языка» акад. В. Ф. Шишмарева, подготовленные к печати «Материалы и исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» под редакцией члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева и некоторые другие работы по истории языков.

В тесной связи с исследованиями по истории языков находится изучение диалектов. Значительным событием в развитии русского языкознания явится издание уже подготовленных к печати двух выпусков «Диалектологического атласа русского языка». Из других диалектологических работ, выполненных Институтом языкознания, следует отметить: «Очерки по таджикской диалектологии» В. С. Расторгуевой, «Уйгурский язык и его диалекты» С. Е. Малова, «Основные вопросы изучения хакасского языка и его диалектов» Н. К. Дмитриева и Ф. Г. Исхакова и другие.

Кроме того, в Институте языкознания ведется работа по изучению северотаджикских говоров, шугнано-рушанской группы памирских диалектов, диалектов языков коми, якутского, хантыйского, эвенского, корякского и даргинского.

4

В Советском Союзе широко развернулась работа по исследованию грамматического строя и словарного состава языков нашей страны. В свете марксистского понимания структуры языка составляются грамматические очерки различных языков. Важное значение для дальнейшего изучения грамматического строя разных языков, несомненно, будет иметь (несмотря на свои недостатки) подготовленная сотрудниками Института языкознания «Грамматика русского языка». Она представляет собой фундаментальный коллективный труд общим объемом около 130 печатных листов. Первый том ее уже издан. Это — первый опыт построения нормативной (к сожалению, недостаточно нормативной) русской фонетики и морфологии (включая и словообразование). Возросший интерес к своему родному языку, его развитию и совершенствованию, наблюдающийся в нашей стране, усиливает общественную потребность в таком труде. Второй том «Грамматики русского языка», посвященный синтаксису, выйдет в двух полутомах. Впервые в истории для освещения различных сторон грамматического строя русского языка привлечен огромный материал из русской классической литературы XIX и начала XX в. и из советской художественной литературы.

Закономерное развитие культур социалистических наций связано с последовательной борьбой за чистоту национального языка, за его постоянное обогащение из животворного источника народной разговорной речи. Разрабатывая вопросы теории в неразрывной связи с практической созидательной работой, советские языковеды должны ближе подойти ко всему многообразию языковой практики, уделять больше внимания языку массовой печати и радио, языку художественной литературы, сценической речи, преподаванию родного языка в школе, вопросам письменности и орфографии, вопросам теории и практики перевода, вопросам культуры речи во всем ее объеме.

По пути Октября, по пути строительства новой жизни вместе с советским народом идут народы Китайской Народной Республики, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики. Наблюдения над развитием языков народов этих стран должны занять важное место в исследованиях наших ученых. Отрадно сознавать, что в этом направлении уже сделаны некоторые шаги. В частности, подготовлен первый том «Граматики венгерского языка».

Несмотря на сильные разрушения в области историко-грамматических исследований, произведенные «новым учением» о языке, советское языкознание имеет несомненные и большие заслуги в области изучения и научного описания грамматического строя языков народов Советского Союза. Известны созданные в последнее время грамматические труды по языкам тюркоязычных народов (С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, Е. И. Убрытовой, Л. Н. Харитонова и др.), по старописьменным и младописьменным языкам Кавказа (А. С. Чикобава, К. В. Ломтатидзе, Г. А. Капанцяна, Г. А. Ачаряна и др.), по украинскому языку (Л. А. Булаховского), по финно-угорским языкам (В. И. Лыткина, А. С. Сидорова, Б. А. Серебренникова и др.); подготавливаются работы, посвященные описанию грамматического строя отдельных языков народов Севера. Быстро и успешно продвигается углубленное исследование грамматики русского языка.

Однако печальные последствия временного господства «теории» акад. Н. Я Марра, затормозившей работы по созданию грамматик целого ряда языков, до сих пор еще сохраняются в нашей науке. Не случайно у нас все еще нет научных грамматик белорусского, таджикского, туркменского, тувинского, татарского, удмуртского, мордовских, молдавского, осетинского, кабардино-черкесского и целого ряда других языков. С другой стороны, для некоторых языков создавались грамматики на ложных, методологически порочных основах, которые еще и до сих пор дают себя чувствовать в отдельных грамматических трудах (например, в трудах казахских языковедов).

Современный этап изучения грамматического строя многих языков (например, финно-угорских, языков народов Севера и др.) характеризуется стремлением к разработке отдельных частных вопросов грамматики, именно тех, которые представляются спорными или неясными. В диссертациях, статьях и монографиях описываются разные явления словообразования, морфологии и синтаксиса конкретных языков, делаются попытки установить закономерности развития отдельных сторон грамматического строя языка. Такая работа является необходимой подготовкой к описанию грамматической системы языка в целом.

Переход от общих рассуждений на грамматические темы к исследованию и решению конкретных проблем грамматики разных языков с учетом национальной специфики каждого из них следует всемерно поддерживать. Понятно, что в грамматиках отдельных языков или групп родственных

языков есть свои темные места, свои трудности. Специалистам по соответствующим языкам следует объединить свои усилия, координировать свои исследования и прийти к согласованному решению спорных вопросов. Так, на организованном в Институте языкознания совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии членом-корр. АН СССР Н. К. Дмитриевым был выдвинут ряд спорных и нерешенных проблем описательных грамматик тюркских языков: о категории наклонения и вида глагола, о переходности и непереходности глаголов; в системе склонения — вопрос о неопределенном или основном падеже; вопрос о категории принадлежности; о прилагательных и современных изменениях в их морфологической структуре; о местоимениях, об их анализе и классификации; в области синтаксиса — вопрос о разграничении обстоятельства и дополнения; о целесообразности пользоваться понятием «приложение» при наличии определения изафета; о структуре условного периода; о категориях определенности и неопределенности; о новейших изменениях в системе управления и, следовательно, в формах словосочетаний; вопросы о системе частей речи в тюркских языках; о формах сложного предложения и о придаточных предложениях.

Конечно, этой тематикой не исчерпывается список спорных вопросов грамматик тюркских языков. Очень важно выделить такие вопросы и коллективными усилиями найти их правильные решения. Среди вопросов изучения грамматического строя разных языков в последнее время особенно выдвинулись и плодотворно обсуждались два: 1) вопрос о специфических особенностях системы частей речи в разных языках (в китайском — труд А. А. Драгунова, в алтайских — Г. Д. Санжеева, в монгольских — Д. А. Алексеева, в казахском — А. И. Исакова, в якутском — Л. Н. Харитонов, в русском — Н. С. Поспелова, А. Б. Шапиро и др.) и 2) вопрос о путях развития сложного предложения (в японском языке — работа Н. И. Фельдман, в удмуртском — П. Н. Перевощикова, в бурят-монгольском — Т. А. Бертагаева и др.).

Надо надеяться, что углубленная разработка конкретных вопросов грамматического строя будет содействовать и развитию грамматической теории в том направлении, которое указано трудом И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Изучение вопросов о соотношении морфологии и синтаксиса применительно к грамматическому строю разных языков, о взаимодействии и разграничении грамматики и лексики, о видах грамматической абстракции, о природе морфологических и синтаксических категорий, об отношениях между фонетикой и грамматикой, между семантикой и грамматикой, о грамматике и логике, о предложении и суждении, о принципах составления описательных и исторических грамматик, о нормализации грамматических явлений, о стилистических вариантах в системе грамматики живого языка и других важных вопросов грамматического строя еще мало продвинулось у нас вперед. Будем надеяться, что подготавливаемый Институтом языкознания теоретический сборник «Вопросы грамматического строя» явится значительным событием в развитии научной теории грамматики.

5

Еще не преодолено отставание в области исследования вопросов исторической лексикологии и семасиологии. Правда, обозначилось некоторое оживление в сфере исследования вопроса об основном словарном фонде и закономерностях его исторического развития. Но — вследствие недостаточно углубленной разработки истории лексических систем отдельных языков — обсуждение этого важного вопроса нередко сопровождалось

априорными, не вытекающими из исторического анализа словарного состава того или иного языка рассуждениями о структуре, границах и признаках основного словарного фонда.

С проблемами лексикологии отчасти соприкасается изданный Институтом языкознания АН СССР сборник «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Институтом языкознания подготовлен также теоретический сборник «Вопросы лексикологии», в котором исследуются в историческом и сравнительно-историческом разрезе закономерности развития основного словарного фонда и словарного состава разных языков. Однако многие вопросы исторической лексикологии, например, вопрос об омонимах, о принципах и правилах семантической группировки слов в разные периоды истории языка, о законах изменений значений слов, о социально-исторических причинах словотворчества, о правилах связи значений одного и того же слова в разных лексических системах того или иного языка в разные эпохи и т. п., в этом сборнике вовсе не затронуты.

Сектор тюркских языков Института языкознания занимается исследованиями в области сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков. Подвергаются историко-этимологическому анализу группы слов, принадлежащие главным образом к основному словарному фонду тюркских языков. Успешное завершение этой работы будет иметь значение не только для специальной сферы тюркологии, но и для общей теории лексикологии и семасиологии.

Необходимо дальнейшее углубление и расширение исследований по вопросам описательной и исторической лексикологии разных языков. В качестве подготовительных работ целесообразно поощрять изучение народно-диалектной лексики, лексики памятников письменности и художественной литературы, составление диалектологических словарей, а также словарей языка крупнейших национальных писателей. Состояние лексикологических исследований отчасти сказывается и на теории и практике составления словарей. Разграничение основных типов или видов значений слова, принципы определения и различения омонимов, приемы размещения фразеологического материала, способы выделения и семантической характеристики фразеологических выражений, критерии стилистической классификации лексики, понятие лексико-фразеологической системы языка и другие вопросы важны не только для лексикологии, но и для лексикографии.

В Советском Союзе развернулась огромная, не знающая аналогий в истории культуры деятельность по созданию сопоставительных (русско-инонациональных и инонационально-русских) словарей, а также толковых словарей национальных языков (армянского, грузинского, литовского, украинского и других). Советская культура находит отражение в общем для языков народов Советского Союза лексическом (словарном) фонде социализма. В формировании этого фонда играет огромную роль язык великой русской нации — неиссякаемый источник обогащения всех языков социалистических наций. Языковедами ведется работа по составлению большого четырнадцатитомного академического словаря, который должен отразить развитие словарного богатства русского языка от Пушкина до наших дней. Готовится также малый трехтомный словарь, отражающий живой, активный запас слов современного общенационального русского языка. Должен выйти в свет теоретический сборник «Вопросы теории и практики словарного дела».

Быстрое обогащение словарного состава национальных языков народов Советского Союза, связанное с развитием советской экономики, техники и науки, с расцветом социалистической культуры, должно быть предметом

самого внимательного и усердного изучения. Вследствие роста лексики в языках социалистических наций толковые словари этих языков быстро устаревают. Так, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, отражающий лексику русского литературного языка 20—30-х годов XX в., уже не включает в себя тысячи слов, типичных для современного литературного словоупотребления.

Любопытно, что четырехтомный толковый словарь армянского языка, составленный покойным акад. Ст. Малхасянцем и изданный в 1946 г., уже не может полностью удовлетворить современные требования армянского народа. В этом словаре не нашли отражения многие слова, обороты и выражения, относящиеся к современной жизни. Вот почему Институт языка АН Армянской ССР уже с 1947 г. приступил к подготовке нового толкового словаря современного армянского языка.

Роль русского языка и русской культуры в развитии армянского языка характеризуется материалами четырехтомного большого русско-армянского словаря (больше 100 тыс. слов), уже подготовленного к печати. Задача словаря — сделать достоянием широких масс армянского народа нормы литературной русской речи и дать важное пособие переводчикам с русского языка на армянский. Обобщение богатого лексикографического опыта, накопленного в работе над разнотипными словарями разных языков, должно иметь большое значение не только для развития советской лексикологии и семасиологии, но и для построения стилистик разных национальных языков.

6

Не все важные вопросы советского языкознания разрабатываются равномерно. Мало успехов достигнуто в освещении проблемы языка и мышления, хотя и появилось значительное количество статей по относящимся сюда общим и частным вопросам. В этих статьях, чаще всего написанных философами, обычно не учитываются специфические особенности структуры языка в ее развитии²². Необходима совместная, коллективная разработка указанных проблем объединенными творческими усилиями философов и языковедов.

Мало нового внесено за последние годы советским языкознанием и в методику и методологию сравнительно-исторического исследования родственных языков. И тут условием творческого развития соответствующей тематики является глубокий захват конкретно-исторического материала. Институт языкознания АН СССР выдвигает как одну из проблем научного исследования на 1954 г. проблему сравнительно-исторической лексикологии, усовершенствование ее метода и метода этимологических исследований.

Незначительно продвинулось вперед также исследование языка художественной литературы, изучение стиля писателя. Тут особенно необходимо сотрудничество языковедов и литературоведов. Индивидуальное своеобразие стиля писателя тесно связано со своеобразием его мыслей, его мировосприятия и мировоззрения. Анализ языка и стиля автора помогает глубже уяснить и строй его мыслей, его взглядов в их внутренней, взаимной связи. «Идеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезло их своеобразие...»²³.

В кругу вопросов изучения языка советской художественной литературы все острее выступает вопрос о речевых качествах стилей советского

²² Ср., например, статью Д. П. Горского «О роли языка в познании» («Вопросы философии», М., 1953, № 2), в которой значение слова рассматривается вне системы языка, вне исторической перспективы развития семантики.

²³ Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99.

фольклора и о влиянии их на язык советской литературы. Необходимо углубленное языковедческое, стилистическое исследование советского народного поэтического творчества. Наши этнографы и фольклористы, сетуя на то, что «гармонии формы и содержания мастера советского народного искусства достигают еще далеко не всегда»²⁴, обычно ограничиваются самыми общими критическими рассуждениями, оценками и рекомендациями.

В критической литературе отмечалось, что вопрос о языке народной сказки имеет большое значение и для советской художественной литературы, в которой жанр сказки занимает не последнее место. Сказки Писахова, бабушки Куприянихи (А. К. Барышниковой), А. Толстого, В. Катаева, С. Маршака, Арк. Гайдара, Вит. Бианки, Мих. Кочнева и особенно сказки П. Бажова справедливо расцениваются как значительное достижение советской литературы. Вместе с тем в нашей критике указывалось, что авторы сказок часто некритически переносят «систему традиционных сказочных образов старой сказки в советскую обстановку...»²⁵.

Изучение типического в языке и стиле художественной литературы может дать критерий для оценки отбора речевых средств писателя, для оценки тех явлений стиля писателя, которые падают на долю его индивидуального творчества. Решение всех этих задач и проблем требует от нас марксистского творческого подхода, связанного с углубленным исследованием и анализом конкретного языкового материала.

7

Борьба с буржуазно-идеалистическими и вульгарно-материалистическими концепциями является одной из форм развития марксистской науки о языке. Внедрение марксизма в языкознание требует всестороннего и решительного разоблачения всех антинаучных идеалистических теорий в сфере общего и конкретно-исторического языкознания. В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» получили яркое марксистское освещение основные общественные категории, с которыми связан язык в своем развитии. Но многие вопросы как общего, так и конкретного исторического и сравнительно-исторического языкознания, которые уже возникли и — при расширении круга исследований — еще в большем количестве будут возникать, например, вопрос о предмете, границах и об основных понятиях семасиологии, о фонеме и фонологии, о принципах описания системы языка, о принципах периодизации истории языка и многие другие, должны решаться самими языковедами на основе творческого применения и развития руководящих положений марксизма-ленинизма.

Естественно, что при разрешении этих проблем нельзя обойти не только уже накопленные и обобщенные материалы, но и те теории, которые были выдвинуты по тому или иному вопросу в домарксистском языкознании. Внедряя марксизм в языкознание, разрабатывая основы марксистской теории и истории языка, советские языковеды должны вскрывать реакционную сущность лингвистических концепций современных идеологов империализма. С выполнением этой задачи связан и другой долг наш — «...воспитывать будущих специалистов в духе непримиримости ко всем и всяким проявлениям буржуазной идеологии...»²⁶. Языковед-марксист

²⁴ В. И. Чичеров, Вопросы изучения творчества народов СССР, «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 41.

²⁵ Д. Нагишкин, О сказке, «Новый мир», М., 1953, № 3, стр. 223.

²⁶ Важная задача высшей школы [передовая], «Правда» 14 января 1953 г.

легко отличит историческую истину от фальсификации истории, диалектику от софистики, подлинный закон развития языка от убогой идеалистической формулы.

Проф. Л. Ельмслев, считающийся главой копенгагенского структурализма, опубликовал статью «Метод структурного анализа в лингвистике»²⁷. Статья написана на русском языке. Тут нельзя не увидеть вызова и «призыва», обращенного к нашим лингвистам. Общеизвестно, что структурализм изучает язык не как специфическое общественное явление в его конкретно-исторической полноте и содержательном многообразии форм и значений, а как абстрактную и изолированную «систему соотношений»²⁸. «Проявление языка в звуках или письменных знаках или значениях, — заявляет Ельмслев, — остается безразличным для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы»²⁹. Главным предметом языкознания объявляется самый «остов соотношений» между знаками или между значениями как в речевой цепи, так и в парадигмах грамматики³⁰.

Вопреки факту конкретно-исторического многообразия языковых структур, структурализм полагает, что «единицы языкового выражения остаются теми же самыми, независимо от представляющих их звуков, а единицы языкового содержания остаются теми же независимо от представляющих их значений»³¹. Отрыв от «языковой материи» ведет к антиисторизму.

В процессе исторического развития языка для структурализма существуют лишь те изменения, которые затрагивают идеальную, т. е. произвольно и априорно построенную «систему соотношений», а все другие языковые изменения останутся за пределами лингвистического изучения. Так искажается язык, вернее, вместо языка выступают призрачные «искусственные препараты» соотношений, которые могут, как в игре, функционально видоизменяться вне всякой связи с развитием общества. Язык для структуралиста — это идеальная схема, «противоположная той с л у ч а й н о й (фонетической, семантической и т. д.) реализации, в которой выступает эта схема», т. е. противоположная конкретно-исторической языковой системе.

Л. Ельмслев отождествляет свое понимание языка с общим определением «структуры» у представителя так называемого логического позитивизма (вернее, метафизической логики) идеалиста Р. Карнапа. Карнап определяет структуру, как «явление чистой формы и чистых соотношений». По его мнению, каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношение³². Известно, что Карнап отрицает целесообразность изучения взаимоотношения между выражением и тем предметом, которое оно обозначает. «Нельзя ничего говорить о значении символов или о смысле выражений, — пишет Карнап в своем «Логическом синтаксисе», — можно говорить только о видах и порядке символов, при помощи которых конструируются выражения»³³. Идеалист-реакционер Б. Рэс-

²⁷ Л. Ельмслев, Метод структурного анализа в лингвистике, «Acta Linguistica», Copenhagen, 1950—1951, v. VI, f. 2—3, p. 57—67.

²⁸ См. в настоящем номере журнала статью О. С. Ахмановой «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» (стр. 25—47).

²⁹ Л. Ельмслев, указ. соч., стр. 57.

³⁰ См. там же, стр. 58.

³¹ Там же, стр. 57 и 58.

³² См. R. Carnap, Der logische Aufbau der Welt, Berlin, 1928, S. 15.

³³ R. Carnap, Logical Syntax of Language, New York, p. 1.

сел, а за ним Р. Карнап стремятся оторвать науку от изучения взаимосвязей и законов движения реального мира, от изучения объективных законов развития природы и общества ³⁴.

Такова главная философская опора развиваемой Л. Ельмслевом структуралистской концепции. «Глоссематика» Ельмслева — это программа фальсификации языка и его истории, программа опустошения языка, программа отрыва языка от общества, от народа. Согласно теории Л. Ельмслева, лингвистика, описывая схему языковых соотношений, не должна обращать никакого внимания на то, чем являются самые элементы структуры языка, как фонетические, так и семантические. Фонетика и семантика, по предписанию Ельмслева, должны исходить из того же произвольного «структурного анализа языковой схемы», из априорного, формального определения соотношений между частями элементов или между частями частей элементов. Но если сами элементы языковой системы — звуки, морфемы, слова, предложения в их конкретной форме безразличны для структурализма, если качественные различия между ними отрицаются, то отсюда уже легко сделать следующий вывод: нет принципиального различия между звуковым языком и другими системами знаков, другими «структурами» ³⁵.

Л. Ельмслев так и пишет: «Структурное определение языка должно привести к тому, что структуры, до сих пор не признававшиеся традиционным языковедением как языки, будут признаны как таковые...», и, следовательно, «... те языки, которые рассматривались как таковые традиционным языковедением, будут признаны только как разновидности языков вообще» ³⁶.

Для структуралиста типа Л. Ельмслева не существует той истины, что звуковой язык — это создание народа и могучий оплот его единства, что язык — это орудие борьбы и развития общества, что без языка общество перестает существовать как общество, что без языка невозможно общественное производство. Звуковой язык для него — всего навсего лишь одна из многих знаковых систем, и постичь ее структурную механику в желательном для себя направлении Ельмслев стремится при помощи других знаковых систем, «простых образчиков-моделей, показывающих элементарную языковую структуру без всех тех осложнений, которые характерны для высоко развитой структуры обыкновенных языков».

Л. Ельмслев заявляет, что «не столько забавы ради», сколько «... именно для того, чтобы глубже вникнуть в основную структуру языка и языкоподобных систем...», он глубоко изучил и подверг теоретическому разбору такие несложные структуры, как «во-первых, световые сигналы на перекрестках улиц для регулирования движения, имеющиеся в большинстве больших городов...», во-вторых, телефонный диск в городах с автоматическим обслуживанием аппаратов; в-третьих, бой башенных часов, отбивающих часы и четверти» ³⁷. Ельмслев широко пользуется и еще более простыми знаковыми структурами, как-то: азбука Морзе, стукотная азбука заключенных в тюрьме и обыкновенные стенные часы,

³⁴ Ср. оценку логического позитивизма в известной книге М. Корнфорта «В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма» [перевод с англ.], М., Изд-во иностр. лит-ры, 1951, стр. 31.

³⁵ Следует признать, однако, что такой американский философ — создатель «семантики собачьей конуры» — как Моррис, в своей книге «Знаки, язык и поведение» предвосхитил открытия Ельмслева (см. С. Morris, Signs, Language and Behaviour, 1946).

³⁶ Л. Ельмслев, указ. соч., стр. 65.

³⁷ Там же, стр. 66.

бьющие только каждый час Изучение всего этого знакового арсенала, по мнению Ельмслева, «пролило свет» на основные черты структуры каждого языка.

Язык — это могучее орудие общественного развития и борьбы — в структуралистской теории отождествлен с боем стенных или башенных часов, со световыми сигналами на перекрестках улиц, с флагами международной морской сигнализации. Структурализмом поставлен крест на истории языка как науке. Языкознание из общественной исторической науки превратилось в субъективно-идеалистическую игру знаками, искусственными терминами и еще более искусственными структуральными формами.

8

В буржуазных языковедческих журналах появляются отклики на труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Знакомство с этими откликами поучительно: они еще раз ярко демонстрируют застой и разброд в буржуазно-идеалистической науке о языке.

В голландском журнале «Lingua» напечатана заметка И. Кноблоха³⁸, в которой в самой общей форме сообщается западноевропейской лингвистам о повороте в развитии советского языкознания — о труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Автора интересует больше всего отношение И. В. Сталина к таким четырем «аксиомам» «нового учения» о языке, как «единство языкотворческого процесса», «смещение языка с надстройкой», связь языка и мышления и стадильность в развитии языка. В своей заметке Кноблех не обнаруживает знакомства с марксистской философией. Поэтому-то он очень далек от понимания сущности сталинских идей. Достаточно одной иллюстрации. Присоединяясь к взглядам польского профессора Т. Милевского на ход развития русского и советского языкознания, Кноблех видит в стадильной и типологической классификации акад. И. И. Мещанинова «наиболее оригинальное и ценное достижение советской лингвистики». Он готов даже сожалеть о том, что эти «блестящие начинания» встретят «помеху» в принципах марксистского языкознания. По мнению Кноблоха, критика теории взрывов в развитии языка не наносит ущерба стадильной концепции И. И. Мещанинова. «Развитие при помощи скачков и прыжков, — поучает Кноблех, — несовместимо с ходом жизни и всех ее явлений. *Natura non facit saltus* (Лейбниц)»³⁹. При этом Кноблех почему-то ссылается на теорию стадийного развития растений, выдвинутую «знаменитым советским ботаником Т. Д. Лысенко». По мнению Кноблоха, надо бы использовать мысли Т. Д. Лысенко о развитии растений для разъяснения соответствующего развития языков. Характерна и комична оговорка, даваемая при этой рекомендации: «не забывая, однако, что времена Шлейхера, который видел в языке как бы живое существо, уже прошли»⁴⁰.

Кноблех заканчивает свою статью призывом к советским лингвистам (*nos confrères russes*) воспользоваться всем тем, что есть ценного в предшествующей языковедческой традиции, и соединить свои усилия с усилиями представителей буржуазно-идеалистической лингвистики, чтобы совместно достигнуть, хотя бы и разными дорогами, «одной и той же священной цели науки». Следовательно, Кноблех предлагает советским язы-

³⁸ J. K n o b l o c h (Innsbruck), La situation actuelle de la linguistique soviétique, «Lingua», v. III, 2, Haarlem, 1952, p. 219—223.

³⁹ Там же, стр. 223.

⁴⁰ Там же.

коведам отказаться от марксизма в языкознании и вернуться в лоно «доброй» старой буржуазной науки.

Советская лингвистика никогда не была изолирована от научной языковедческой мысли других стран, никогда она не отделяла себя стеной (или, как теперь стало модно говорить в империалистических кругах, — «железным занавесом») от подлинных достижений зарубежного языкознания. Марксистской науке о языке чуждо высокомерное отрицание подлинных достижений мирового языкознания. Советские языковеды берут на вооружение все лучшее, что дала лингвистика в своем предшествующем развитии, и все передовое, а также фактически новое и ценное, что появляется в языковедческой науке Запада и Востока. У нас издавались переводы таких сочинений западноевропейских и американских языковедов, которые по своим методологическим основам были в высшей степени далеки от марксистской теории языка, но в самых ошибках которых, и особенно в конкретных материалах, мы все же могли найти ценное и поучительное (например, труды Ф. де Соссюра, Ж. Вандриеса, Э. Сэпира, А. Мейе, Г. Шухардта, Э. Бурсье и многих других).

Но, принимая все ценное из предшествующей языковедческой традиции и из современных исследований, советская лингвистика оценивает разные течения в науке о языке с позиций творческого марксизма и борется со всеми извращениями истинной науки. Внимательное изучение положения дел в современном зарубежном языкознании ⁴¹ еще раз подтверждает то бесспорное положение, что только внедрение марксизма в языкознание может оздоровить науку о языке и обеспечить ее движение вперед.

Статье И. Кноблоха с ее явным тяготением к мешаниновской концепции «нового учения» о языке в том же журнале «Lingua» предшествует статья Ю. Шереха ⁴² — автора очерка грамматики украинского языка и монографии о числительных в славянских языках, посвященная, с одной стороны, резкой критике работ И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» и «Глагол», а с другой — доказательству некоторой невольной близости взглядов И. И. Мещанинова к копенгагенскому структурализму, особенно к книге В. Брендаля «Очерки общей лингвистики» ⁴³, отчасти к Ельмслеву и вообще к панхроническому изучению языка.

Ход мыслей Ю. Шереха таков. В сфере изучения типов связей между словами в предложении и в области рассуждений о членах предложения работы И. И. Мещанинова содержат много непоследовательности и противоречий. Ю. Шерех упрекает И. И. Мещанинова в непонимании системного характера языка, в марровском асистематизме (Marrs Asystematismus), в смешении синхронической и диахронической точек зрения, в незнакомстве с западноевропейской лингвистической литературой за последние 30 лет. Замечания И. И. Мещанинова о частях речи, по мнению Шереха, в большей своей части устарели еще до появления в свет его работ «Члены предложения и части речи» и «Глагол». Они свидетельствуют о том, что автор не считается с работами таких языковедов, как Е. Герман, Е. Кошмидер, Г. Гильмер, Р. Смаль-Стоцкий, Коржинек

⁴¹ Ср., например, бесплодный эклектизм, пеструю идеалистическую смесь так называемого «неогумбольдтианства» или неогумбольдтианской этнолингвистики (см. статью: Н. B a s i l i u s, Neo-Humboldtian ethnolinguistics, «Word», New York, 1952, v. 8, № 2, p. 95—105), «понятийную» метафизику буржуазной универсальной грамматики (см. статью: R. H. R o b i n s, Noun and Verb in universal grammar, «Language», Baltimore Md., 1952, v. 28, № 3, part 1, p. 289—298) и т. п.

⁴² Jur. Š e r e c h (Lund), Zum Problem der Satzgliederung und Aussonderung der Redeteile, «Lingua», v. III, 2, Haarlem, 1952, p. 193—218.

⁴³ См. V i g g o B r ö n d a l, Essais de linguistique générale, Copenhague, 1943.

и др.⁴⁴ Отношения между языком и мышлением в работах И. И. Мещанинова представлены, по мнению Ю. Шереха, прямолинейно и грубо. И все-таки Шерех полагает, что работа И. И. Мещанинова, особенно его анализ связей слов в предложении, представляет бесспорный интерес. По заявлению Шереха, последние работы И. И. Мещанинова показывают, что лингвистическая мысль на Востоке, рассматриваемая в целом, движется в том же фарватере, в том же русле, что и на Западе, и стремится разрабатывать однородные проблемы.

По словам Ю. Шереха, И. И. Мещанинов в своих последних работах занимается ревизией Марра и сознательно или бессознательно сближает свои лингвистические позиции с соссюризмом и структурализмом. В сущности, утверждает Шерех, И. И. Мещанинов все больше и больше подходит к проблемам всеобщей, универсальной грамматики, которые в 1926 г. были поставлены А. Сэшеэ и в 1928 г. были ясно сформулированы Ельмслевом в его «Принципах общей грамматики»⁴⁵.

Таким образом, получается, что внутренняя логика развития немарксистской теории Марра и его «учеников» влекла «новое учение» о языке к сближению с буржуазно-идеалистическим языкознанием. Тем не менее похвалы и поощрения, изрядка отпускаемые Ю. Шерехом по адресу И. И. Мещанинова, высокомерны и сомнительны. «Не поздоровайтесь от этаких похвал!» Из собственной критики работ И. И. Мещанинова Ю. Шерех делает логически неоправданный и неожиданный вывод о том, что наука в настоящее время во всем мире неделима (*die Wissenschaft heutzutage in der Welt unteilbar ist*).

Для характеристики общего отношения Ю. Шереха к советскому языкознанию особенно показательно его «корректирующее добавление» (*Korrekturergänzung*), в котором сообщается о лингвистической дискуссии в Советском Союзе, о разоблачении «теории» Н. Я. Марра и о признании акад. И. И. Мещаниновым своих ошибок. Ю. Шерех заявляет, что хотя теперь книги И. И. Мещанинова уже нельзя рассматривать как выражение «официальной точки зрения (установки) для его страны», но едва ли от этого они «перестали быть в некотором отношении типичными для состояния языкознания в Советском Союзе». Этот выпад против современного советского языкознания настолько недобросовестен, проникнут такой слепой неприязнью к марксистской науке, так очевидно отражает непонимание путей развития советской марксистской лингвистики, что на нем нет необходимости дольше останавливаться. И все же статья Ю. Шереха лишний раз напоминает советским языковедам, куда вело «новое учение» о языке советскую лингвистику и чем обязана И. В. Сталину передовая наука о языке.

Стремясь к глубокому познанию объективно-исторических законов развития языков нашей страны и других языков мира, советские языковеды должны своими исследованиями по общим методологическим и конкретно-историческим вопросам языкознания показать всему миру теоретическую мощь и непобедимую творческую силу советской науки и обеспечить марксистской науке о языке первое место в мировом языкознании.

⁴⁴ См. E. Hermann, *Aspect und Actionsart*. Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1933; *Objektive und subjektive Actionsart*. Ind. Forsch., 45, 1927; E. Koschmieder, *Zeitbezug und Sprache*, Leipzig — Berlin, 1929; *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*, Wilno, 1934; H. Hilmer, *Schallnehmung, Wortschöpfung und Bedeutungswandel*, Halle, 1914; R. Smał-Stoćkyj, *Prymitywny słowotwór* (Die primitive Wortbildung), Warschau, 1929; I. Kofínek, *Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde*, «Slavia», R. XV, Prague, 1937.

⁴⁵ См. L. Hjelmslev, *Principes de Grammaire générale*, København, 1928.